91985

1 7 2

ТУ–19–241–82

8

3

студия
ДИАФИЛЬМ

07—2—539

Литература эпохи Возрождения

ДАНТЕ

Возрождением, или Ренессансом, в истории европейской культуры мы называем эпоху перехода от средних веков к новому времени. Это был величайший переворот, пережитый человечеством. Он вызвал глубокие перемены во всех сферах жизни и был отмечен бурным расцветом изобразительного искусства и литературы.

Микеланджело. Давид (фрагмент).

Название «Ренессанс» впервые употребил Вазари, автор «Жизнеописаний знаменитейших живописцев, ваятелей, зодчих» (1550 г.). Так он обозначил возрождение в изобразительном искусстве античных норм прекрасного, основанных на изучении природы и человека (после того, как в средние века они были преданы забвению).

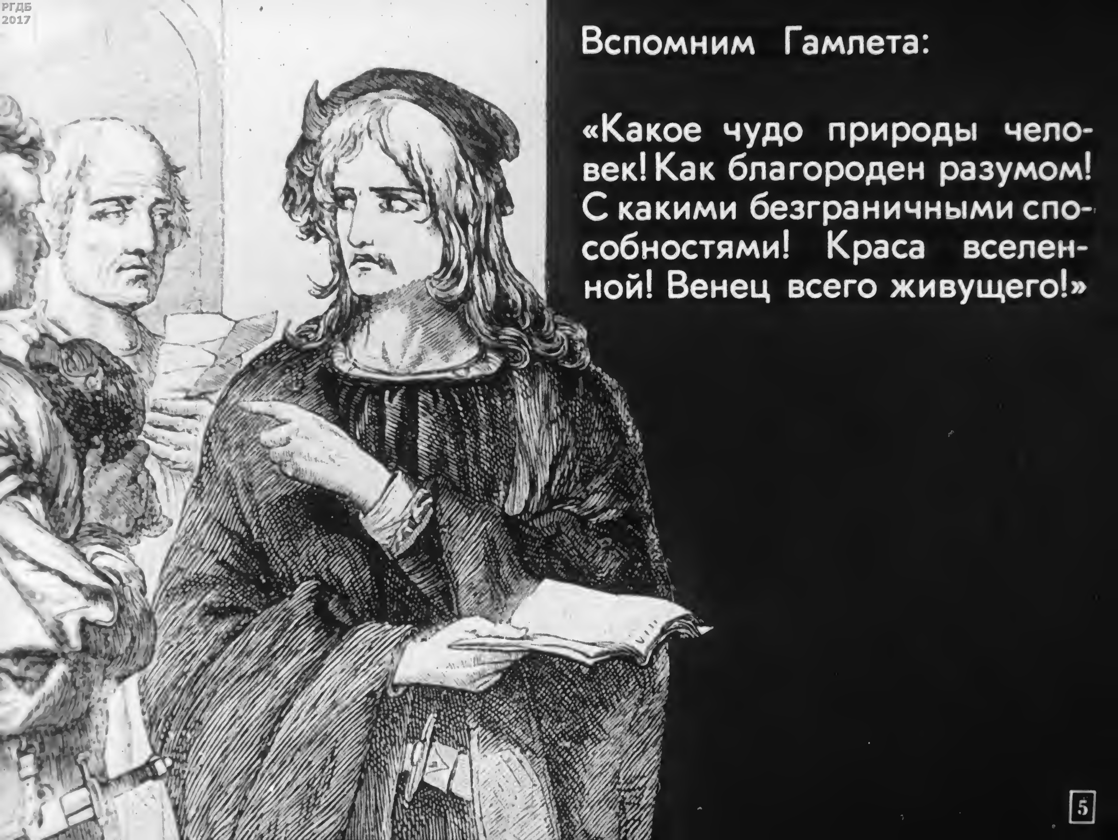
С. Боттичелли. Мадонна с гранатом.

Благовещение (фрагмент).

Средневековому аскетизму, проповеди покорности, смирения, человеческого ничтожества эпоха Возрождения противопоставила идеал свободного, всесторонне развитого человека. Интерес к нему, вера в его безграничные способности определили суть культуры Возрождения.

Вспомним Гамлета:
«Какое чудо природы человек! Как благороден разумом! С какими безграничными способностями! Краса вселенной! Венец всего живущего!»
5

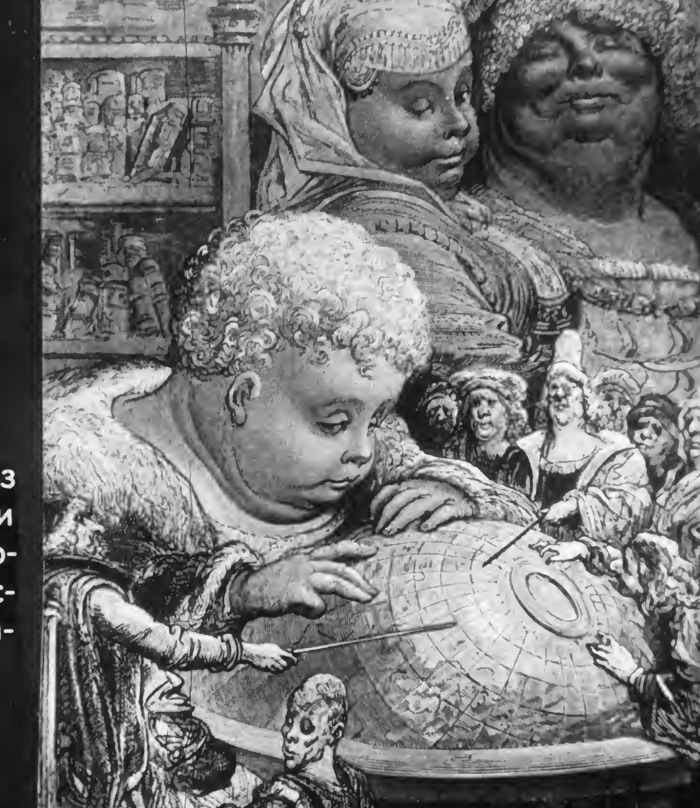
Художественный мир Возрождения бесконечно многообразен. Трагическая мощь созданий Микеланджело — и юная грация итальянских мадонн.

Микеланджело. Моисей.

Филиппо Липпи. Мадонна с младенцем.

Жизнь, бьющая через край, в «Гаргантюа и Пантагрюэле» Рабле, воплотившего ренессансный гуманизм так радостно и полно...

А рядом—творение Сервантеса, одного из последних гуманистов эпохи, о великом и пламенном, трагическом и смешном Рыцаре Печального Образа—Дон Кихоте.

Мир развивается в противоречиях. Сквозь бурную игру страстей сбросившей оковы рабства человеческой личности иногда (и чем далее, тем острее) проступало сознание иллюзорности этой свободы в нарождающемся жестоком и алчном мире. И это противоречие времени во многом определило своеобразие его искусства.

С. Боттичелли. Покинутая.

Родиной Ренессанса, страной наиболее полного, классического его выражения была Италия.

«Конец феодального средневековья, начало современной капиталистической эры,—писал Энгельс, — отмечены колоссальной фигурой. Это — итальянец Данте, последний поэт средневековья и вместе с тем первый поэт нового времени».

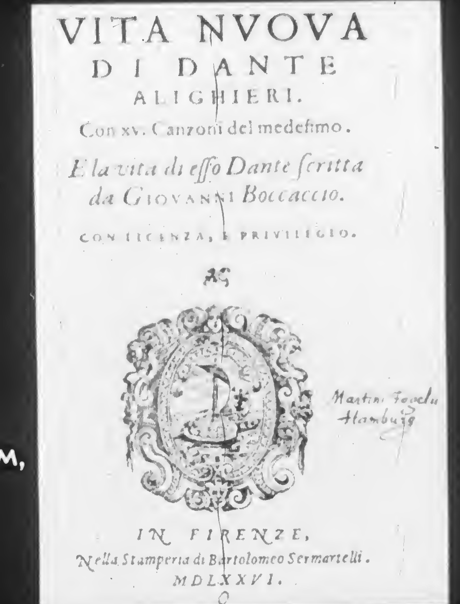

Александр Блок, путешествуя по Италии летом 1909 года, посетил Равенну, где покоится прах Данте. В стихотворении «Равенна» он писал о мимолетности бытия и вечной власти искусства...

Все, что минутно, все, что бренно,
Похоронила ты в веках.
Ты, как младенец, спишь, Равенна,
У сонной вечности в руках...

VITA NVOVA
DI DANTE
ALIGHIERI.
Con xv. Canzoni del medesimo.
E la vita di esso Dante scritta
da GIOVANNI Boccaccio.
CON LICENZA, E PRIVILEGIO.
IN FIRENZE,
Nella Stamperia di Bartolomeo Sermartelli.
MDLXXVI.

Лишь по ночам, склонясь к долинам,
Ведя векам грядущим счет,
Тень Данта с профилем орлиным
О Новой Жизни мне поет.

«Новая Жизнь»—и заглавие поэмы Данте, и образ будущего. Творчество Данте стоит у истоков новой европейской литературы.

«Божественная комедия» — вершина его поэзии. Ее смелостью восхищался Пушкин, Гоголь пытался следовать ее гениальному плану в не до конца реализованном замысле «Мертвых душ». В XX веке Блок откликнулся на нее трагическими терцинами «Песни Ада».

...XIII век. Флоренция. Ее называли жемчужиной Италии. Построенный еще римлянами на реке Арно военный лагерь, взметнувший в небо башни с узкими щелями бойниц, стал людным торговым городом.

Папа Бонифаций VIII ядовито заметил о флорентийцах, всюду проникающих и всюду торгующих: не 4, а 5 элементов существует на свете: вода, земля, воздух, огонь и... флорентийцы.

Лавка флорентийского менялы.

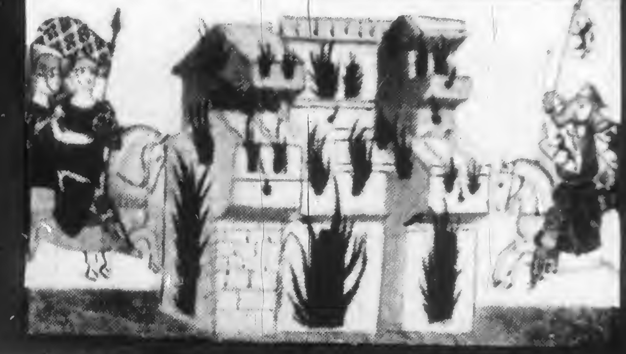
На одной из тихих городских улиц в мае 1265 года в семье небогатого дворянина Алигьеро родился сын Данте.

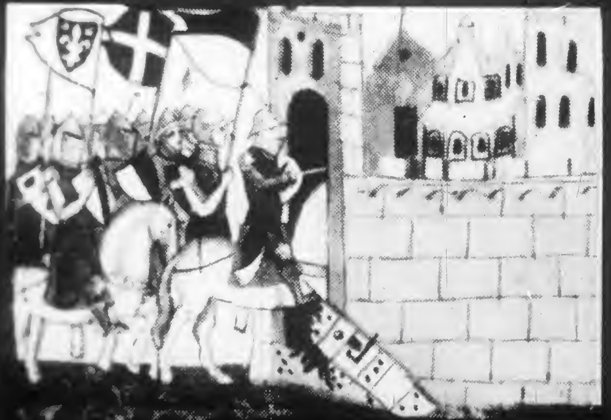
Дом, где родился Данте. Реконструкция.

Пройдут годы, и в изгнании, страстно тоскуя по родине, он вспомнит не семью, не родной дом — ему будет чудиться звон флорентийских колоколов и этот собор — Сан-Джованни.

Политическую карту Италии XIII века сравнивают с пестрым от заплат плащом нищего.

Страну раздирали притязания французских и испанских королей, борьба гвельфов и гибеллинов—сторонников папской и императорской власти.

Братоубийственные войны, семейная и личная вражда. Звук набата привычно раздавался на улицах. Белая лилия в гербе флорентийской республики стала алой. Бедная Италия!

Тебе, несчастной, стоит оглянуться
На берега твои и города:
Где мирные обители найдутся?

Расцвет науки и искусства был для нее единственным залогом национальной общности.

Данте, сын своего неукротимого века, политический борец, человек пылкий, благородно пристрастный в оценках людей и событий, глубоко презирал бесстрастие и равнодушие.

Он поместит в преддверие Ада те души жалкие, „что прожили, не зная ни славы, ни позора смертных дел“.

...Их свергло небо, не терпя пятна;
И пропасть Ада их не принимает...

Но и он возненавидит впоследствии наполнивший Италию лязг оружия.

...В январе 1302 года после поражения белых гвельфов (партии, к которой принадлежал Данте) поэт был объявлен политическим преступником.

В сумерки, пока еще не заперты были городские ворота, он покинул Флоренцию. И—приговоренный заочно к сожжению—больше туда не вернулся.

Панорама Флоренции. Современный вид.

Годы изгнания... Поэт узнал, „как горестен устам чужой ломоть, как трудно на чужбине сходить и восходить по ступеням“. Он шел по опустошенной и поруганной Италии с непримиримостью пророка. Настало время воздать должное тиранам, папам, королям...

Рафаэль. Данте (фрагмент фрески).

Особенно достанется от него отцам церкви—всем этим Бонифациям, Николаям, Клементам. Человек глубоко верующий, не отвергавший ни римскую церковь, ни папу как принцип, Данте неистово обличал реально существовавшие церковь и папство.

Вы алчностью растлили христиан,
Топча благих и вознося греховных.

Базилика в Ватикане.

Джотто. «Папа Бонифаций VIII».

Епископы и священники погрязли в стяжательстве. Данте стяжательство презирал. Что же делать, писал он кардиналам, если архипастыри не могут пасти своих овец, „если против неустройства и беззакония раздается только одинокий... жалобный голос, да и тот светский?“

Быть может, уже тогда в его сознании роились образы одной из песен «Ада».

Нижние Бездны. Здесь намертво сжаты Злыми Щелями „святокупцы“ те, кто „местом торга сделал храм“.

...Из каждой ямы грешник шевелил
Торчащими по голени ногами,
А туловищем в камень уходил.
У всех огонь змеился над ступнями...

В средние века был популярен жанр загробного странствия. Данте еще принадлежал средневековью—поэма была задумана как странствие по загробному миру. Поэт относит его к 1300 году, году своего 35-летия.

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины...

«Сумрачный лес»—символ греховной, неправедной жизни.

В соответствии с представлениями христианской религии о потустороннем мире возникла трехчастная композиция поэмы и название каждой ее части—«Ад», «Чистилище», «Рай». Однако образы поэмы имели другой, иносказательный смысл. Путь ее героя был восхождением из самых глубин греха и бедствия, к нравственным вершинам, к счастью. Указать человечеству этот путь должна была, по мысли автора, его поэма.

В ней сотни человеческих лиц, бездонность мрака и сияние света, молитвы и рыдания, судьбы влюбленных и героев, политические друзья и враги поэта—и во всем жгучая, страстная современность!

А в центре этого бурлящего, яростного мира, с особой силой и пластической выразительностью воплощенного в «Аде»,— фигура самого Данте.

Я увожу к отверженным селеньям,
Я увожу сквозь вековечный стон,
Я увожу к погибшим поколеньям.

Какая простота и величавость, энергия и сила слова!

Учителем и спутником Данте избран Вергилий—не христианин, язычник, великий римский поэт.

Начиналось возрождение античности, давшее имя эпохе.

И в этом, и во многом другом мысль Данте возвышается над схемами средневековья, ломая или подчиняя их живому и поэтическому осознанию мира.

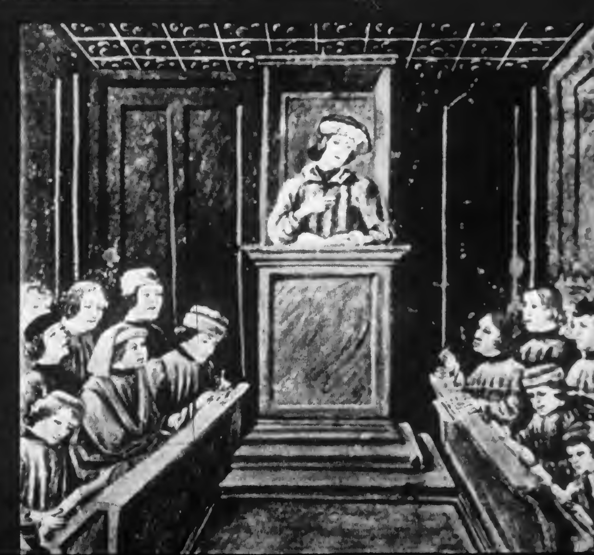
Второй круг «Ада» — для тех, кто „предал разум власти вожделений“, кто повинен в греховной, по понятиям того времени, любви.

Как журавлиный клин летит на юг
С унылой песнью в высоте надгорной,
Так предо мной, стеная, несся круг
Теней, теснимых вьюгой необорной;
И я сказал: „Учитель, кто они,
Которых так терзает воздух черный?“

Болонья.

В Болонье, где он изучал право, Данте услышал трагическую историю о том, что в ближнем городке Римини убиты прекрасная Франческа и Паоло. Убиты из ревности мужем Франчески, правителем города.

В Болонском университете. С миниатюры XIV века.

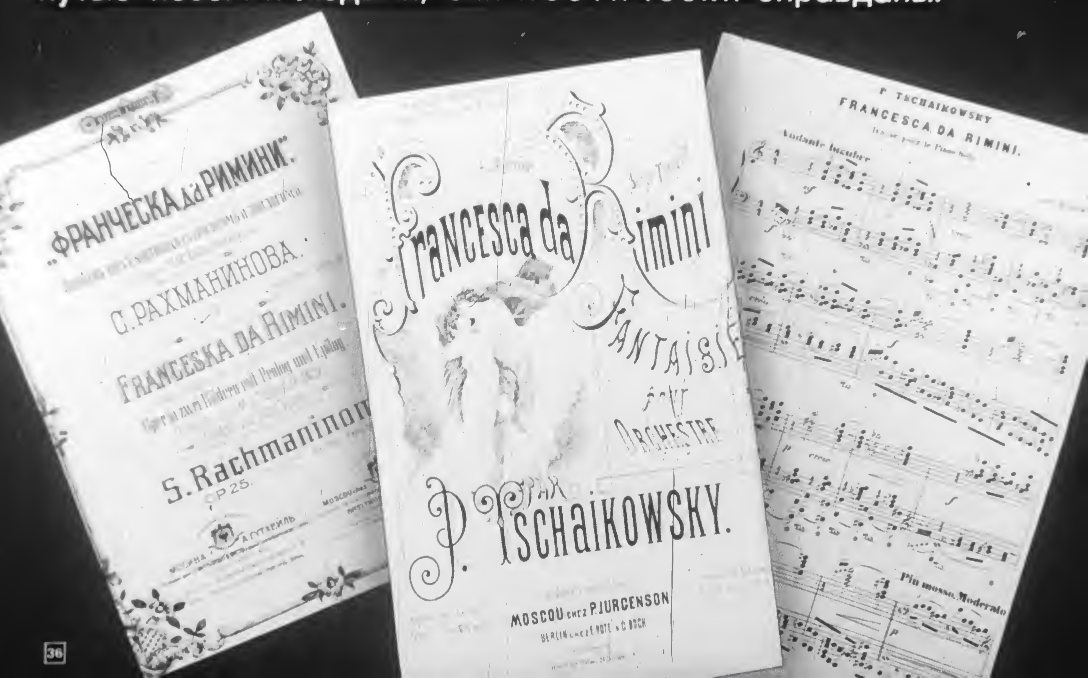
И вот перед нами две тени, неразлучные и в Аду,—Паоло и Франческа, „как голуби на сладкий зов гнезда“, откликнувшиеся на призыв путника-поэта. Как трогательно безыскусна исповедь Франчески...

В досужий час читали мы однажды
О Ланчелоте сладостный рассказ;
Одни мы были, был беспечен каждый,

Над книгой взоры встретились не раз,
И мы бледнели с тайным содроганьем,
Но дальше повесть победила нас.
Чуть мы прочли о том, как он лобзаньем
Прильнул к улыбке дорогого рта,
Тот, с кем навек я скована терзаньем,
Поцеловал, дрожа, мои уста.
И книга стала нашим Галеотом!
Никто из нас не дочитал листа.

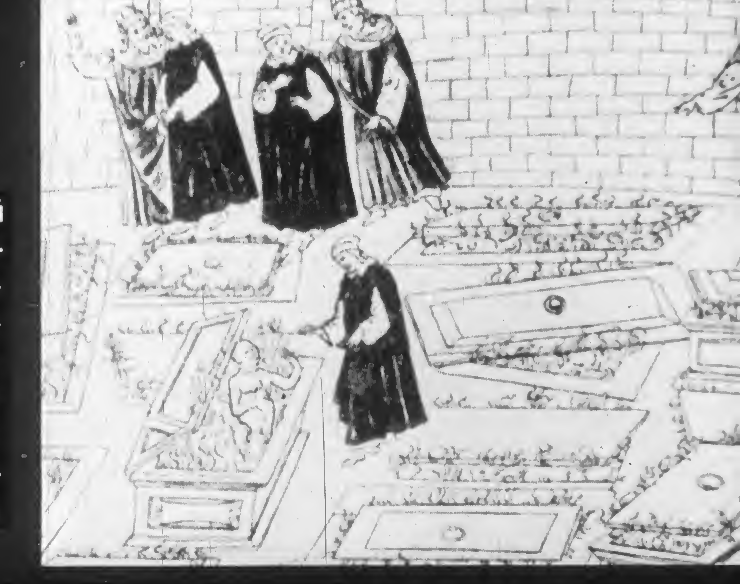
Так заканчивается история Паоло и Франчески, вдохновившая впоследствии музыкантов (вспомним «Франческу да Римини» П. Чайковского и С. Рахманинова) и поэтов. Отвергнутые небом и людьми, они поэтически оправданы.

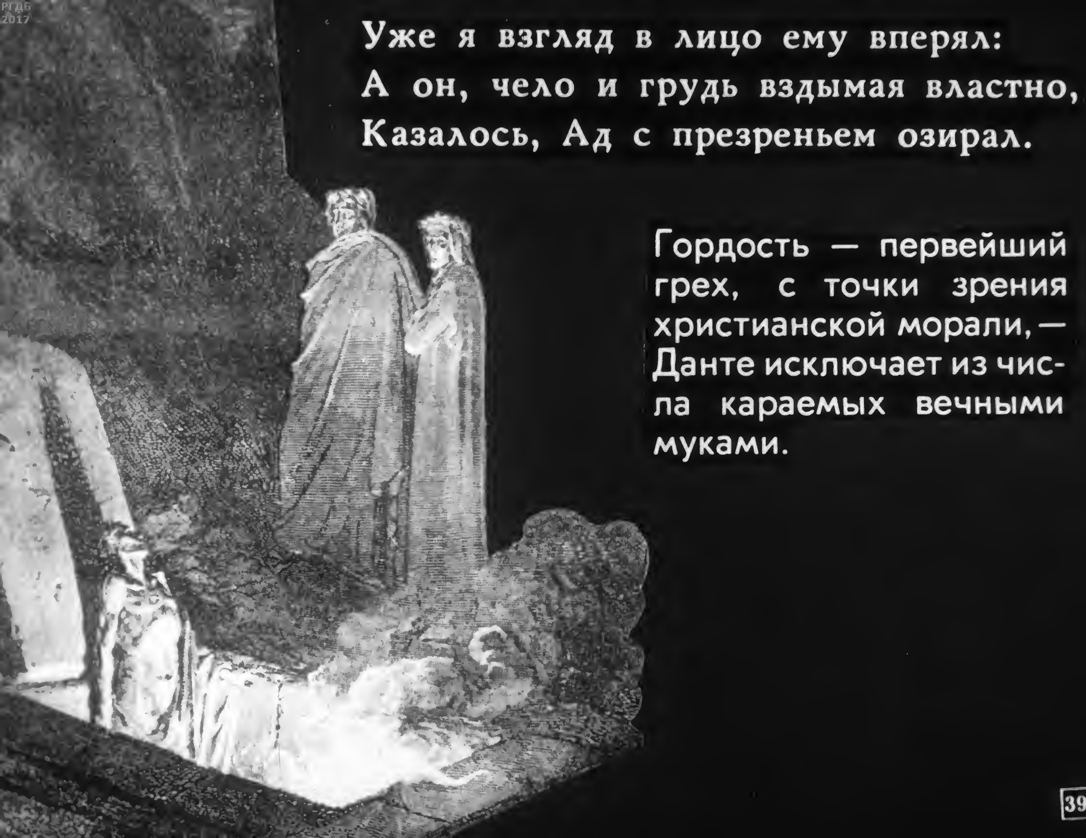
Любовь для Данте, поэта «сладостного нового стиля», — чувство возвышенное, облагораживающее. Среди множества действующих лиц светло сияет в поэме лучезарный лик Беатриче. Она помогает Данте в трудные минуты, встречает поэта в Земном раю.

Я, не ответив, поднял взоры к ней,
И мне она явилась осененной
Венцом из отражаемых лучей.

А вот другой яркий эпизод поэмы—встреча с Фаринатой, вождем враждебной Данте партии гибеллинов. Могильное поле с полуоткрытыми саркофагами. Из «некоей могилы» Данте слышит:

Тосканец, ты, что городом огня
Идешь, живой, и скромен столь примерно,
Прошу тебя, побудь вблизи меня.
Ты, судя по наречию, наверно,
Сын благородной родины моей,
Быть может, мной измученной чрезмерно .

Уже я взгляд в лицо ему вперял:
А он, чело и грудь вздымая властно,
Казалось, Ад с презреньем озирал.
Гордость — первейший грех, с точки зрения христианской морали, — Данте исключает из числа караемых вечными муками.

Фарината был флорентиец. Человек смелый и решительный, он когда-то один воспрепятствовал намерению гибеллинов уничтожить родной город:

Зато я был один, когда решали
Флоренцию стереть с лица земли;
Я спас ее, при поднятом забрале.

„О, если б ваши внуки мир нашли!“ — горестно восклицает Данте. И, умея стать над враждой, восхищается не сломленным пытками мужеством Фаринаты.

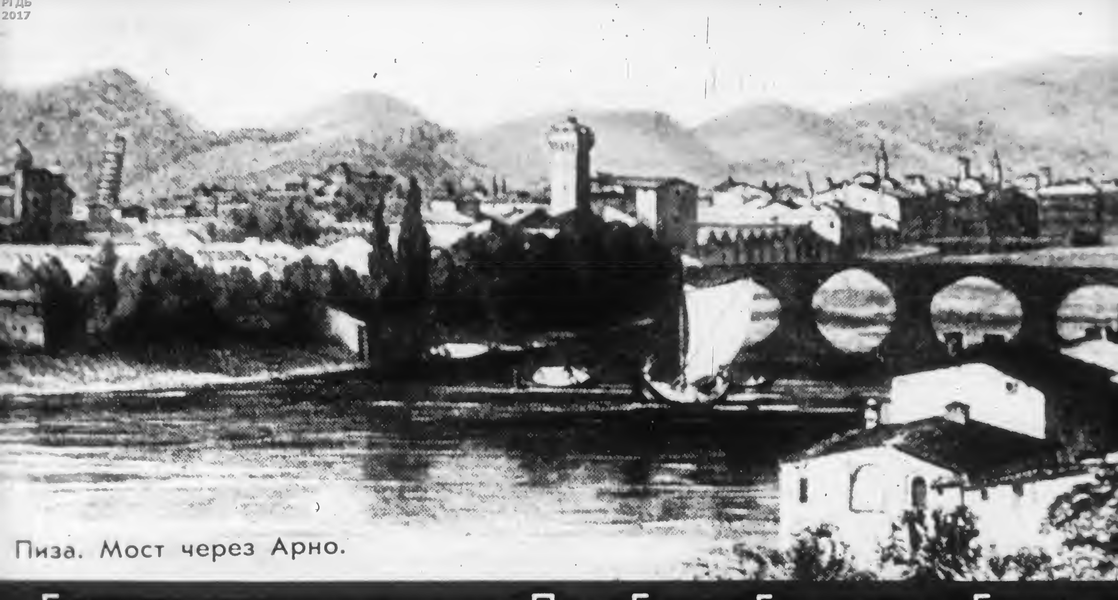
Чувство родины, обостренное годами изгнания, у Данте вообще необыкновенно сильно.

В девятом, последнем круге Ада, где вмерзли в лед души предателей, есть темпераментная сцена.

Была то воля, случай или рок,
Не знаю,—только меж голов ступая,
Я одному ногой ушиб висок.
„Ты что дерешься?—вскрикнул дух, стеная.—
Ведь не пришел же ты меня толкнуть,
За Монтаперти лишний раз отмщая?!“

Но опознав гнуснейшего из тех, кто предал Флоренцию, герой поэмы в ярости бросается к грешнику, рвет волосы с его головы, заставляя вопить от боли.

Пиза. Мост через Арно.

...Есть в итальянском городе Пизе Башня Голода, или Башня Уголино. Сюда по приказу архиепископа был заточен вместе с четырьмя сыновьями правитель Пизы граф Уголино, несправедливо обвиненный в том, что отдал соседним городам несколько пизанских замков. Вход в башню замуровали, и Уголино с детьми умерли мученической смертью.

Мы приближаемся к страницам, отмеченным особой трагической силой,—рассказу Уголино. Представьте — башня, превращенная в склеп, отчаяние отца, страшное чувство обреченности...

Очнувшись раньше, чем зарделось небо,
Я услыхал, как, мучимые сном,
Мои четыре сына просят хлеба.
Когда без слез ты слушаешь о том,
Что этим стоном сердцу возвещалось,—
Ты плакал ли когда-нибудь о чем?

Уголино заканчивает свой скорбный рассказ. И, потрясенный, Данте восклицает:

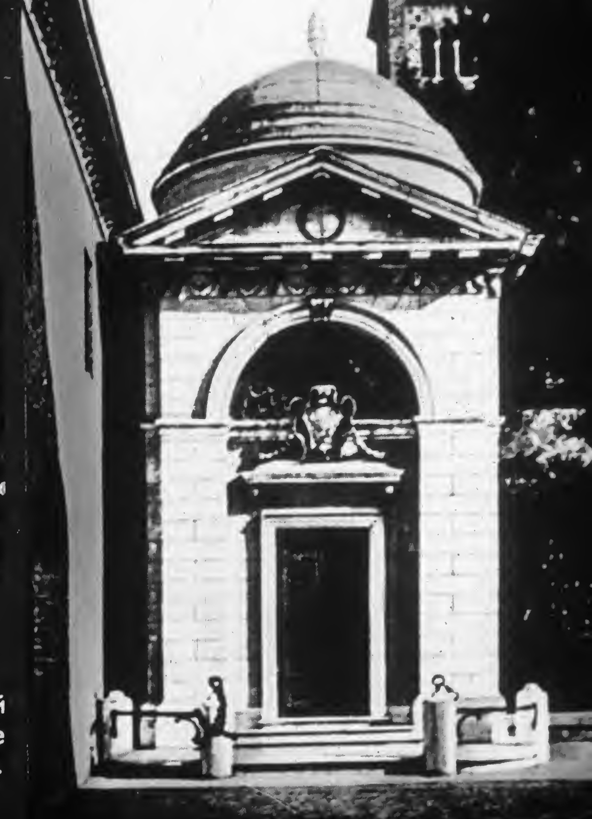
Как ни был бы ославлен темной славой
Граф Уголино, замки уступив,—
За что детей вести на крест неправый!

Когда декретом о прощении изгнанников Данте разрешено было вернуться, пройдя позорный обряд публичного покаяния, он гордо отвечал: „... это не путь к возвращению на родину..."
Он умер в изгнании.

В 1965 году мир праздновал 700-летие Данте. Поэта, наделенного острым чувством времени, — ведь он был поэтом переходной эпохи. Художника великой трагической силы и правды страстей. Творца, открывшего людям новые бездны и новые выси человеческого духа.

Мавзолей
Данте
в Равенне.

Диафильм
для
факультативных
занятий
по литературе
в IX классе
создан
по программе,
утвержденной
Министерством
просвещения
РСФСР

КОНЕЦ

Автор
М. ФАЙНБЕРГ
Консультант
С. ТУРАЕВ
Художник-оформитель
И. БУЛАТОВА
Редактор
В. ЧЕРНИНА

103 062,
Москва,
Старосадский
пер., 7
Черно-белый 0-20

Д-184-84